

DOI: 10.31857/S0869049922010099

КОНЦЕПЦИИ МОРАЛИ CONCEPTS OF MORALITY

Оригинальная статья / Original Article

Автономистское обоснование морали: реконструкция и оценка¹

© А.В. ПРОКОФЬЕВ

Прокофьев Андрей Вячеславович, Институт философии РАН (Москва, Россия), Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия), avprok2006@mail.ru

В статье проанализирована концепция обоснования морали, которая опирается на способность человека к произвольной и целесообразной деятельности («автономии» в широком смысле слова). Концепция уходит корнями в кантовскую этику, однако в современной этической мысли она отбрасывает кантовскую апелляцию к умопостигаемому миру и отчетливее проявляет свой конструктивистский характер. Для оценки концепции были использованы три критерия: 1) способность ее аргументов обеспечить достаточную силу и максимальную широту захвата воли разумных агентов 2) отсутствие искажений формы морали при ее обосновании 3) отсутствие искажений нормативного содержания морали при ее обосновании. На основании их применения сделан вывод, что при сравнении с другими концепциями обоснования морали (стратегический эгоизм, эвдемонизм, интуитивистская версия морального реализма) автономизм демонстрирует существенные преимущества. Среди автономистских концепций указанным критериям наиболее соответствует теория диалектической необходимости Гевирта-Бейлеведа.

Ключевые слова: мораль, этика, обоснование морали, автономизм, И. Кант, К. Корсгаард, А. Гевирт, Д. Бейлеведд

Цитирование: Прокофьев А.В. (2022) // Автономистское обоснование морали: реконструкция и оценка. *Общественные науки и современность*. № 1. С. 100–112. DOI: 10.31857/S0869049922010099

---

¹ Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00145 А «Обоснование морали как проблема современной этики (реконструкция, сравнение и оценка теоретических подходов)».

Funding. The study was funded by RFBR, project number 20–011–00145 A “Justification of Morality as a Problem of Contemporary Ethics (the Reconstruction, Comparison and Evaluation of Theoretical Approaches)”.

The Autonomist Justification of Morality: Reconstruction and Evaluation

© A. PROKOFYEV

Andrey V. Prokofyev, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russia), avprok2006@mail.ru

Abstract. The paper analyzes a morality justification concept that rests upon our capacity to act in a voluntary and purposive manner (on the base of ‘autonomy’ in a wide sense of the word). The conception goes back to Immanuel Kant, but in the contemporary ethics it discards Kant’s idea of the intelligible world and takes a more vivid constructivist shape. Three criteria were used to evaluate the conception: 1) the ability to provide the universal and powerful grip on rational agents 2) the ability not to distort the form of morality 3) the ability not to distort the normative content of morality. On the basis of the comparison between strategic egoism, eudemonism, intuitionist moral realism and autonomism as approaches to justifying morality, the conclusion is drawn that the autonomists’ argumentation has considerable advantages. Applying the three criteria to different versions of the autonomist justification of morality, the author considers the theory of dialectical necessity of Alan Gewirth and Deryck Beyleveld as the most promising.

Keywords: morality, ethics, justification of morality, autonomism, I. Kant, C. Korsgaard, A. Gewirth, D. Beyleveld

Citation: Prokofyev A. (2022) The Autonomist Justification of Morality: Reconstruction and Evaluation. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.1, pp. 100–112. DOI: 10.31857/S0869049922010099 (In Russ.)

Этическая теория пытается обосновать всеобщую значимость моральных ценностей и обязательность моральных требований, используя разные отправные посылки. Часть теоретиков обращаются к благу самого агента, увязывая исполнение морального долга – совершение честных и гуманных поступков – с обретением счастья или удовлетворением набора желаний и предпочтений, не суммированного в понятии «счастье». Так возникают эвдемонистические и эгоистические (точнее – стратегически эгоистические) концепции обоснования. Разум с его принудительностью играет в них роль средства, которое увязывает моральные ценности и требования со стремлением к собственному благу. Другая часть обосновывающих мораль теоретиков пытается использовать разумность человека в качестве первой посылки – архимедовой точки опоры. Среди них есть сторонники тезиса о том, что ядерное нормативное содержание морали обладает непосредственной рациональной очевидностью, то есть представляет собой истину, к которой мы приходим в результате познания особого рода объектов (ценностей и требований). Данная позиция соответствует положениям интуитивистского морального реализма. Ее критики видят рациональность исполнения морального долга не непосредственной очевидной, а производной, которая выступает как прямое и необходимое следствие способности использовать разум в практической сфере. С их точки зрения, тот, кто не признает обязательность честного и гуманного поведения, ведет себя неразумно – не в том смысле, что он пренебрегает нравственным знанием (моральными фактами), а в том, что его суждения и действия несовместимы с восприятием себя как свободно действующего агента, который обосновывает свои поступки для самого себя. Каждый нормальный человек воспринимает себя именно так. Соответственно, совершая безнравственный поступок, он впадет в противоречие. Так

как способность выбирать действия, взвешивая за и против, тождественна автономии в широком смысле этого слова, такой подход к обоснованию морали вполне правомерно можно обозначить как «автономистский». В данной статье предпринята попытка реконструировать и оценить его аргументацию.

Критерии оценки концепций обоснования морали

Для оценки предполагается использовать три критерия, применимых к любой этической теории обоснования морали. Несоответствующая данным критериям аргументация не может решать инвариантные задачи обоснования морали: 1) убедительно обосновать мораль 2) обосновать именно мораль, а не что-то иное.

Во-первых, предложенная аргументация должна обладать достаточно сильным и одновременно универсальным сцеплением с процессом выбора агентом своих действий. Она должна захватывать волю, формировать мотивацию, полноценно отвечать на известный вопрос «почему мне следует быть моральным – честным и гуманным – человеком?». В идеале ответ на него должен убеждать разумного морального скептика в необходимости исполнять моральный долг, причем такого скептика, у которого нет предрасположенности к совершению честных и гуманных поступков (нет эмпатических переживаний, рудиментарного чувства справедливости и т. д.) Чем более сильный захват обеспечивает концепция, чем меньше человеческих типов могли бы уклониться от предложенных ею аргументов, тем она лучше своих конкурентов при прочих равных условиях.

Во-вторых, обоснование не должно искажать форму морали. Честные и гуманные поступки должны оставаться результатом исполнения долга, и этот долг должен обладать приоритетом в отношении всех других долженствований. И первое, и второе – важные формальные свойства морали как явления культуры и индивидуального опыта. Данный критерий был введен в связи с обсуждением так называемой «дилеммы Причарда». В соответствии с ней, пытаюсь обосновать мораль, мы или редуцируем моральные обязанности к склонностям и личному интересу, или провозглашаем обязанности вместо того, чтобы их обосновать. Приемлемая концепция обоснования должна быть способна разрешить эту дилемму: избежать пустой риторики и тавтологий, то есть остаться подлинным обоснованием, и вместе с тем сохранить базовую для моральной саморегуляции оппозицию долга и склонности, то есть быть обоснованием именно морали.

В-третьих, обоснование не должно искажать нормативное содержание морали. Если философ выстраивает рассуждение, которое обосновывает объективные ценности и требования, но не специфицирует их содержательно, то такое рассуждение тоже не будет обоснованием морали. Ведь объективными могут считаться и требование исполнять все свои желания (так называемый «этический эгоизм»), и требование полноценно реализовывать потенциал своей уникальной личности, и требования создавать прекрасное и постигать истину. Обоснование морали будет иметь место только там, где философ доказывает объективную необходимость честного и гуманного поведения, а также невозможность замены такого поведения исполнением других объективных требований. Схожим образом обоснование морали непригодно, если на его основе ценностью, которая превращает честное и гуманное поведение в необходимое, будут обладать не все члены морального сообщества: не все люди, только люди, но не другие живые существа и т. д. В данной ситуации подобная нормативная система лишается универсальности, разрывается ее связь с неинструментальной ценностью всех людей и живых существ (в первом случае такая ценность равная и высокая, во втором – просто значительная). Именно упомянутые характеристики задают содержательные параметры феномена морали.

Кантовский прецедент

Главным историко-философским прецедентом автономистского обоснования морали можно назвать кантовскую этику. В «Основоположении к метафизике нравов» Кант по-своему формулирует вопрос «почему мне следует быть моральным?»: «Почему же я должен подчиняться этому принципу [категорическому императиву – А.П.] и притом как разумное существо вообще?» [Кант 1997а, 229]. Немецкий философ не считает данный вопрос тупиковым. По его мнению, есть возможность показать, что нравственность не «химера» (в более развернутой формулировке – «химерическая, лишенная всякой истины идея») [Кант 1997а, 219]. Кант уверен, что даже «самый отъявленный злодей», сталкиваясь с «примерами честности в намерениях, твердости в следовании добрым максима́м, участливости и всеобщего благоволения (и притом, даже когда все это связано с большими жертвами выгодой и удобствами)», с необходимостью чувствует желание быть «настроенным» так же, как и герои этих примеров, если, конечно, он «привык... к употреблению разума» [Кант 1997а, 245].

Откуда берется кантовская уверенность в том, что нравственность – это не «химера», а «истинная идея»? Она основана на определенном понимании специфики человеческой деятельности или, вернее, специфики причинности этой деятельности. Если поведение лишенных разума существ определяется «влиянием посторонних причин», то разумные существа обладают «волей», они сами – источник своих суждений и поступков. Впрочем, вернее будет сказать, что они с необходимостью воспринимают себя в качестве таких источников (по Канту, теоретического доказательства наличия у человека свободной воли в данном контексте не требуется). Такое специфическое самовосприятие Кант называет «идеей свободы», а людей – «существами, которые не могут действовать иначе как под идеей своей собственной свободы» [Кант 1997а, 227]. Однако если человек воспринимает себя как существо, которое обладает свободой, он неизбежно оказывается перед проблемой выявления оснований своей свободной деятельности. Пытаясь ее разрешить, он вынужден признать, что не может действовать иначе, кроме как в соответствии с неким законом. Однако если такой закон будет лишь гипотетическим императивом, то исполняющий его человек не будет свободен, так как его поведение исчерпывающим образом объясняется его желаниями и поиском средств для их удовлетворения. Тот же, кто воспринимает себя в качестве свободного существа, дистанцируется не только от внешних влияний, но и от собственных «чувственных вожделений». Отсюда следует, что для признания себя свободным человек должен подчиняться именно категорическому императиву (закону, который свободная воля задает сама себе). В соответствии со второй формулировкой категорического императива тот, кто действует «под идеей свободы», должен относиться к каждому разумному существу не только как к средству, но и как к цели – в том числе не причинять вред и оказывать помощь другим. Это и есть ядерное нормативное содержание морали.

Выстроив рассуждение, которое подтверждает обязательную силу нравственного закона на основе особенностей самовосприятия любого разумного существа, Кант обратил внимание на то, что без каких-то дополнительных пояснений данное рассуждение содержит в себе «скрытый круг». Он задается вопросом: «Не положили ли мы в основу идею свободы только ради нравственного закона для того, чтобы после опять-таки вывести этот закон из свободы?», то есть – не пришли ли мы к утверждению о собственной свободе на основе уже принятого нами (в силу нашей «благонамеренности») нравственного закона, чтобы потом пытаться доказать, что закон имеет силу именно потому, что мы свободные существа [Кант 1997а, 241]. Однако Кант считает, что данное подозрение может развеять метафизический тезис о частичной принадлежности человека к умопостигаемому миру.

«Отъявленный злодей» стремится приобрести моральное «настроение» именно потому, что он мысленно переносит себя в умопостигаемый мир и оттуда сам дает себе нравственный закон. Не переносить себя туда он не может, поскольку «привык» употреблять разум – принимая решения, рассматривать себя в качестве свободного существа, которое опирается на рассуждение об основаниях собственных действий.

В «Критике практического разума» есть пассаж, который некоторые историки философии воспринимают как отказ Канта от того, чтобы доказывать необходимость категорического императива на основе способности людей действовать «под идеей свободы». В данном пассаже Кант называет осознание нравственного закона самостоятельным «фактом разума», или «единственным фактом чистого разума, который возвещает о себе таким образом как изначально законодательный разум» [Кант 1997б, 351]. Означает ли это, что Кант переходит от процедурного или конструктивистского обоснования морали, которое опирается на идею автономии, к интуитивистскому, или что его рассуждение обращено лишь к той части человечества, которая уже обладает стандартным набором устойчивых моральных убеждений и видит в моральных требованиях очевидные нормативные факты? Многие комментаторы Канта приходят именно к такому выводу [Reath 1997; Guyer 2007; Wood 2007]. Однако Д. Бейлевелд и М. Дювелл в своей книге-отклике на данный кантовский пассаж попытались показать, что в «Критике практического разума» не пересмотрены ранние позиции. Проблема лишь в том, что Кант не считает восприятие человеком себя как свободного существа стартовой точкой обоснования категорического императива, которая имеет по отношению к нему внешний характер. В «Основоположении» философ лишь выделяет элементы неразрывного единства или «взаимного существования» идеи свободы и категорического императива. Данное выделение не только укрепляет моральные убеждения тех, кто ими уже обладает, но и демонстрирует моральному скептику противоречивость его позиции [Beyleveld, Diirwell 2020].

Какие проблемы возникают в связи с кантовским обоснованием морали? Во-первых, проблема лаконичности его рассуждения: кантовское обращение к моральному скептику содержит существенные лакуны. Во-вторых, проблема апелляции к идее умопостигаемого мира. Данная идея уязвима для критики, связанной с вопросом о ее совместимости с картиной мира современного человека (если пользоваться терминологией Дж. Мэки, Кант постулирует «странные» сущности) [Mackie 1990, 38–42]. Одновременно под вопросом находится ее способность решить поставленные перед ней задачи. А.А. Гусейнов предположил, что кантовское рассуждение об умопостигаемом мире есть лишь «скрытая ирония» по отношению к притязаниям разума в этике [Гусейнов 2009, 229]. Если Кант на самом деле лишь иронизировал, то «скрытый круг», для преодоления которого была введена идея двух миров, никакуда не исчезает.

Современные автономистские обоснования морали

В современной этике автономистская версия обоснования морали обходится без метафизических допущений об умопостигаемом мире, без постулирования «странных» сущностей. Ее отправной посылкой, как и у Канта, стали неустранимые характеристики человеческой деятельности – ее произвольность и целесообразность. Ни один человек не может не воспринимать себя в качестве агента, который выбирает между альтернативными линиями поведения. Ни один человек не может совершать этот выбор каким-либо иным методом, кроме как отвечая на вопрос «почему достижение этой цели для меня лучше, чем достижение той?». Ни один человек не может отказаться от поиска средств для достижения поставленных целей. Несоблюдение моральных требований в данном контексте следует восприни-

мать как неразумную стратегию поведения, поскольку требуемые от агента самоограничения воплощают его агентский статус. Сознательный агент, который нарушает моральные требования, парадоксальным образом ведет себя так, как будто он не сознательный агент. Моральный скептик, соответственно, утверждает и отрицает агентский, то есть произвольный и целесообразный, характер человеческой деятельности в целом.

Самой известной концепцией такого рода можно назвать концепцию американского этика А. Гевирта, которую после его смерти развивает британский философ морали Д. Бейлвелд. Гевирт, в отличие от моральных реалистов интуитивистского толка, считает моральные требования не непосредственно очевидными, а «диалектически необходимыми». «Диалектическая необходимость» присутствует, если имеет место логически непротиворечивый вывод суждения *X* из суждений, которые отражают необходимую структуру всякого действия. Другая формулировка Гевирта: диалектической необходимостью обладают положения, которые опираются на «концептуальный анализ действия» [Gewirth 1978, 43–45]. Также, в отличие от интуитивизма, концепция Гевирта утверждает не правильность моральных требований «с точки зрения Вселенной», а всего лишь их правильность для всех агентов, поскольку в качестве агентов те не могут не принять суждения, логически связанные с необходимой структурой действия.

Необходимая структура действия такова, что агент нуждается в условиях, обязательных для достижения любых поставленных им целей. Он всегда видит достижение цели как благо, в связи с чем неперемные условия достижения цели также превращаются для него в блага. Одно из таких благ, которое, по сути, представляет собой компонент успешного действия – это свобода, то есть возможность действовать без принуждения; другое – некоторые базовые аспекты индивидуального благополучия (сохранение жизни, физическая целостность, психическое равновесие и т. д.). Если агент считает свободу и базовое благополучие необходимыми благами, то он неизбежно будет (и даже должен) рассматривать их наличие как свое право. Отстаивая его, он обязывает окружающих не ограничивать и не подрывать его свободу и благополучие. Хотя такое требование имеет пруденциальную, а не моральную основу, оно – не просто рефлекторное «рычание» («не мешай!»), а полноценная нормативная претензия [Gewirth 1978, 48–128].

Дальнейшие рассуждения Гевирта опираются на тезис, что право всегда приписывается тому человеку, который строго соответствует описанию, содержащемуся в обосновании этого права (например, право на то, чтобы *X* исполнил свое обещание сделать *Y*, имеет именно тот человек, которому *X* обещал сделать *Y*). Если какое-то описание в равной мере относится к нескольким людям, то все они обладают обсуждаемым правом. Данный тезис – скорее правило логики, а не содержательный моральный принцип, который мог бы оспаривать моральный скептик. В соответствии с ним, если агентский статус представляет право на свободу и базовое благополучие, то таким правом должны быть наделены все агенты, невзирая на их различия во всех отношениях кроме самой способности к произвольной и основанной на выдвижении целей деятельности. Отсюда следует, что любой агент в интеракциях с реципиентами своих действий обязан соблюдать их права: не ограничивать их свободу, не уменьшать их благополучие, а в каких-то случаях – прямо содействовать сохранению и увеличению их свободы и благополучия, то есть помогать им. Соблюдение прав проистекает из уважения к личности реципиента – а это как раз и есть ядерное содержание морального долга, долга честности и гуманности. Значит, перед нами полноценный ответ на вопрос «почему следует быть моральным?» (в терминах Гевирта – «вопрос об авторитете») [Gewirth 1978, 129–150].

Другой вариант обоснования морали, который апеллирует к специфике человеческой деятельности, предложила К. Корсгаард. Она фиксирует, что каждый человек восприни-

мает совершаемые им поступки в перспективе первого лица, то есть того, кто более или менее успешно выбирает между альтернативными линиями поведения и подталкивающими к выбору мотивами. Данная перспектива предполагает наличие у человека критериев выбора, которые позволяют заключать: «это для меня лучше, поскольку...», «это для меня важно, поскольку...» и т. д. Критерии выбора опираются на «практическую идентичность» агента. Набор таких идентичностей неограничен, агенты постоянно меняют их на протяжении жизни. Однако процесс смены может быть опасен для того, кто рассматривает себя как автора своих поступков, а не пространства, в котором разворачиваются детерминирующие поведение психические процессы. Если все идентичности человека случайны и преходящи, то человек не имеет достаточных оснований для ответа на вопрос, почему один вариант для него лучше или важнее, чем другой. По сути, у него отсутствуют основания для продолжения жизни как череды обоснованных актов выбора. Он перестает быть самим собой, что для человека хуже смерти. Каждый из нас нуждается в такой практической идентичности, которая не будет преходящей и случайной [Korsgaard 1996, 100–130].

Такая идентичность связана с самой принадлежностью к числу людей, «рефлексирующих животных, которым необходимы основания для того, чтобы жить и действовать» [Korsgaard 1996, 121]. Соответственно, для любого агента внутренней, неинструментальной, надситуативной ценностью должен быть он сам как агент. Из данной ценности вытекают обязанности, ограничивающие прочие требования, которые агент обращает к самому себе. Источник таких обязанностей не имеет внешний характер по отношению к его воле, не устраняет его самого в качестве действующей силы, позволяя избежать как чистой импульсивности, так и механического воспроизведения поведенческих образцов. Ограничения, которые основаны на универсальной идентичности «я – человек» – это правила самосохранения личности и, одновременно, самые общие правила деятельности как таковой. Если разумный агент не может наделив ценностью себя самого, не наделив ею всех других разумных агентов, то он вынужден признать императивную силу моральных требований – свою обязанность быть честным и гуманным.

Однако данная связь по Корсгаард определяется не только самой по себе перспективой первого лица. Так возникает лишь одно из оснований императивной силы моральных требований. Да, жизнь разумного человека, который сохраняет свою разумность, невозможна без признания объективных ценностей и объективного долженствования. Однако содержание последнего может быть не тождественным моральному долгу. В данной связи Корсгаард фиксирует следующее положение: «Я считаю свою принадлежность к человеческому роду нормативной для себя и признаю, что ты можешь или должен сделать то же самое в своем отношении». Однако данная позиция не превращает «твои» цели в «мои» [Korsgaard 1996, 133]. Даже если представить, что такая метаморфоза все же произойдет, ее результат не удовлетворит философа, который пытается обосновать мораль. Разумный агент в таком случае будет иметь обязанности «в отношении другого», но не «перед другим». Он будет связан своим уважением к той ценности, которую он сам придает другому человеку, но не к внутренне присущей ему ценности [Korsgaard 1996, 134].

Корсгаард посчитала, что достаточной дополнительной посылкой обоснования морали можно считать специфику человеческой природы, которую Л. Витгенштейн зафиксировал в тезисе о невозможности приватного языка. По ее мнению, если приватный язык невозможен, то любые основания для совершения поступков изначально имеют «публичный» характер. Как существа, способные к речи, мы постоянно вторгаемся в ментальное пространство друг друга, и такие вторжения невозможно проигнорировать, как невозможно проигнорировать фразу, произнесенную на понятном нам языке. Поэтому реципиенты действий агента постоянно вмешиваются в процесс выбора им линии поведения, предъ-

являя ему многочисленные претензии. Они могут иметь форму высказывания («не делай так!»), а могут быть и молчаливыми претензиями, которые формируются самим фактом того, что агенту известны потребности или желания окружающих. Для агента каждая такая претензия превращается в основание для действия. Конечно, он может выбрать другое основание, но он не сможет уклониться от объяснения причин такого выбора самому себе. Именно в ходе объяснения агент мысленно переносит себя на место другого. Такой перенос, в свою очередь, неизбежно приводит к признанию в другом той же ценности, которую агент приписывает себе самому [Korsgaard 1996, 136–143].

Оценка автономистских концепций обоснования морали

В отношении вопроса о силе и широте захвата высокую планку ставят те концепции, которые отталкиваются от блага агента (стратегический эгоизм и эвдемонизм). Потребности в достижении счастья и в удовлетворении желаний или предпочтений обладают огромной силой. Они присутствуют у любого человека вне зависимости от его ценностных установок или от их отсутствия. Автономистские концепции исходят из того, что их основание не менее универсально. Кантовское действие «под идеей свободы», гевиртовские произвольность и целесообразность действия, выбор практических идентичностей Корсгаард также имеют место в опыте каждого индивида. Они – данность человеческого существования, часть человеческой ситуации.

Вопрос о силе захвата оказывается гораздо сложнее. В случае со счастьем и – в особенности – с желаниями и предпочтениями она подразумевается изначально: каждый из нас хочет того, что он хочет, предпочитает то, что он предпочитает. Отсюда, если исполнение моральных требований и обретение моральных установок увеличивают возможности человека в реализации желаний и предпочтений, у него есть сильный мотив для того, чтобы «быть моральным». У Корсгаард схожую роль играет потребность в устойчивой практической идентичности, без принятия которой индивид теряет подлинную субъектность и сталкивается с невозможностью осмысленной жизни. Для разумного индивида – это катастрофическая перспектива, что и обеспечивает силу захвата. Гевирт делает акцент не на катастрофичности непризнания моральных требований, а на его противоречивости. Отказ агента рассматривать свой доступ к условиям произвольной и целесообразной деятельности как собственное право (важный промежуточный шаг к признанию прав других людей) тождественен для Гевирта отказу рассматривать себя в качестве агента, сохраняя при этом агентский способ существования.

Концепция Гевирта требует дополнительного обсуждения как в отношении широты, так и в отношении силы захвата. Критики автора указывают на то, что из-под действия его аргументации выпадают те индивиды, которым безразлично, можно ли их считать полноценными агентами (словами Д. Инека – те, кто не заботится о том, чтобы быть именно агентами, а не какими-нибудь «шмагентами», которые ставят цели и подбирают под них средства, но пренебрегают диалектической необходимостью Гевирта [Enoch 2006]). По логике Инека, таким людям придется предъявить дополнительные доводы в пользу того, что возможность быть агентом имеет для них ценность, и что для ее сохранения необходимо признавать диалектически необходимые утверждения. Сложно представить человека, который не заботится о реализации своих предпочтений или желаний, однако индивид, которому безразлична утрата полноценного агентского статуса, вполне может существовать.

Однако Бейлеведд, защищая позицию Гевирта, показывает, что агентский статус можно потерять, только утратив саму по себе способность к практическому рассуждению, лишившись возможности вести человеческий образ жизни. Соответственно тот, кто ставит

цели и реализует их, но не принимает тезис о праве на доступ к условиям деятельности, не может быть загадочным «шмагентом», которому надо доказать ценность превращения в агента. Раз ему в принципе можно что-то доказывать, если он выбирает между альтернативами – значит, он всего лишь агент, который противоречиво осмысляет сам себя. Устранение данного противоречия – прямое требование разума, что и сохраняет предельную широту захвата [Beyleveld 2017, 153].

Однако как быть с силой захвата? Если пытаться рассматривать ее исключительно в категориях осязаемых потерь, которые несет лишенный моральных убеждений и нарушающий моральные требования человек, то такая сила невелика. Однако если обоснование морали Гевирта обращено именно к разумному моральному скептику, для него утрата возможности создать непротиворечивую систему оснований своих действий весьма существенна, хотя она и не отражается на его возможностях получать удовольствие, аккумулировать богатство или повышать социальное признание.

Второй критерий связан с возможностью искажения формы морали, что создает наибольшие проблемы эгоистическому и эвдемонистическому обоснованию. Если за выполнением обязанностей и самосовершенствованием в сфере мотивов и черт характера стоит стремление агента к собственному благу, то понятие долга становится условным: одни личные интересы побеждают другие в ходе рационального исследования их относительной силы. Правда, вторая из опасностей, зафиксированных в дилемме Причарда, таким концепциям не угрожает – они по определению не тавтологичны. Как в данном отношении обстоят дела с автономизмом?

Представляется, что разные его версии в разной степени уязвимы для аргумента от искажения формы морали. Концепцию Гевирта можно заподозрить в таком искажении, но у нее есть ресурсы для освобождения от подобных подозрений. В качестве первого шага Гевирт обращается к пруденциальной рациональности гипотетических императивов. Можно подумать, что агента заставляет признавать права другого человека простое желание иметь условия для успеха собственной деятельности, что могло бы быть формой подмены долга склонностью. Однако дело в том, что Гевирт использует в качестве посылки не желание агента обладать свободой и базовым благополучием, а нормативное – хотя и пруденциальное – требование: «если ты хочешь достичь цели, то непременно должен хотеть и того, чтобы получить необходимые средства ее достижения». Соответственно, происходит вывод одной формы долга из другой, морального права из права пруденциального.

Концепция Корсгаард сталкивается с более существенными трудностями. Она говорит о потребности агента в высшей, предельно общей идентичности, без которой невозможно вести осмысленную жизнь. Однако данный тезис, который существенно облегчает решение проблемы захвата, представляет собой скрытый переход от строго автономистских посылок к эвдемонизму. С этой позиции жизнь человека рассматривается как целостный проект, успех которого (счастье) возможен при соблюдении определенных условий, среди которых и выполнение моральных требований. Эвдемонизм гораздо более уязвим для обвинений в искажении формы морали. В рамках аргументации Корсгаард моральный скептик признает не то, что он обязан быть честным и гуманным, а то, что он вынужден быть таковым, чтобы сохранить возможность поставить и успешно достичь жизненные цели. Обязанность тем самым подменяется склонностью. Именно здесь концепция Корсгаард дрейфует в сторону эвдемонизма. С другой стороны, не удовлетворенная сугубо кантианскими ходами мысли Корсгаард апеллирует к тому, что претензии реципиентов по поводу причиненного им вреда или неоказанной помощи имеют изначальную значимость для агента. Данное утверждение приближается к подмене обоснования долга его простым

провозглашением и попадает под обвинение, в отношении которого автономистские концепции в большинстве своем неуязвимы.

Третий критерий связан с искажением нормативного содержания морали. Корсгаард использует его против родственной ее подходу концепции Гевирта и отчасти против избыточно лаконичного кантовского перехода от первой формулировки категорического императива ко второй. Именно неспособность обосновать движение агента от придания объективной ценности себе самому к приданию такой же ценности любому другому человеку заставляет ее обратиться к витгенштейнианской дополнительной посылке. Однако обоснование Гевирта не так уж и бессильно против данного аргумента. Философ задолго до критики Корсгаард понимал, что его диалектически необходимое рассуждение может остановиться на позиции универсального этического эгоизма. Этический эгоист может утверждать: «я должен причинить вред другому, если это в моих интересах, другой должен причинить вред мне, если это в его интересах, а кто и кому причинит вред в реальности, определяют фактические возможности». Однако, по Гевирту, данная позиция не считается диалектически необходимой, поскольку стоящему на ней человеку приходится а) отрицать, что его собственные свобода и благополучие – необходимые для него блага б) использовать слово «должен» в отношении себя и других в разных смыслах (в отношении других – без безусловного одобрения того, что они выполняют свой долг) [Gewirth 1978, 82–89].

Бейлвелд имеет дело уже не с проблемой искажения нормативного содержания морали вообще, а с конкретным критическим тезисом Корсгаард о том, что если постулирование агентом собственных базовых прав коренится в его желании иметь общие условия успешной деятельности, то перенос таких прав на других людей должен опираться на его желание, чтобы и они (другие люди) тоже обладали соответствующими условиями. В таком желании нет ничего необходимого – соответственно, нет необходимости в наделении других правами. Однако, как показывает Бейлвелд, желание иметь условия для успеха целесообразной и произвольной деятельности – не единственная посылка обоснования морали в этике Гевирта. Вторая, как было установлено ранее, состоит в том, что агент обязан обеспечивать себе такие условия – данная обязанность вытекает из агентского способа деятельности и агентского самоописания. И, если в универсализации желания нет ничего необходимого, то без универсализации обязанности не обойтись [Beyleveld 2015, 584–586]. Если я обязан обеспечивать себе условия успешной деятельности, а другие обязаны воздерживаться от причинения мне вреда (соблюдать мои права), то я также обязан воздерживаться от причинения вреда другим (обязан соблюдать их права).

Вторая линия критики строго автономистского обоснования морали со стороны Корсгаард состоит в том, что обязанности, которые вытекают из рассуждения Гевирта или из ее собственного вывода о практических идентичностях (даже если эти рассуждения имеют самостоятельную доказательную силу) – это обязанности в отношении другого, а не перед ним. Соответственно, они не до конца моральны. Однако данный контраргумент также не имеет большой силы. Да, в концепции Гевирта моральный агент уважает права реципиентов на основании того, что он находит в себе самом – способности действовать целесообразно и произвольно. Однако в таком случае агент уважает не себя, а то, что он находит в другом человеке – ту же способность действовать целесообразно и произвольно. И хотя агента и реципиента делает уникальными личностями нечто иное, вся их личностная уникальность базируется именно на этой способности. Каждый человек уникален тем, как в условиях, заданных генетикой, коммуникативным и культурным контекстом жизни, случайными поворотами индивидуальной судьбы он выбирает свои поступки, исходя из тех или иных оснований [Beyleveld 2015, 687–588, 590].

Последний аспект автономизма, требующий оценки в связи с опасностью искажения нормативного содержания морали, связан с кругом реципиентов, которые обретаю ценность или наделяются правами на основе автономистской аргументации. Способность к произвольной и целесообразной деятельности характеризует далеко не все существа, которые, с точки зрения обладателей общераспространенных моральных убеждений, находятся в данном кругу. Речь идет о детях, людях с серьезными расстройствами психики или находящихся в состоянии комы, животных. У автономистов есть набор доводов, которые распространяют логику обоснования морали на таких реципиентов. Корсгаард рассматривает жизнь как условие принятия любых практических идентичностей, что превращает все живое в моральную ценность. Боль живых существ оказывается аналогом претензии реципиента к агенту, которая создает основание для действия. Гевирт говорит о наделении существ правами в меру приближения их практики к произвольной и целесообразной деятельности. Бейлевелд, в свою очередь, добавляет принцип предосторожности: в случае неопределенности лучше отнестись к неагенту как к агенту, чем наоборот.

Заключение

Подводя итог проведенной реконструкции автономистских концепций обоснования морали и их сравнения с теоретическими конкурентами – стратегическим эгоизмом, эвдемонизмом, интуитивистским моральным реализмом, а также между собой – можно утверждать следующее. Использование первого из трех зафиксированных в начале статьи критериев показывает, что в отношении широты захвата автономистские концепции в целом не уступают эгоистическим и эвдемонистическим, но явно превосходят интуитивистские. Дело в том, что способность к постижению моральной истины нельзя считать всеобщим свойством – в отличие от способности к поиску наилучшей для себя линии поведения. Однако в вопросе силы захвата положение автономистских концепций менее благоприятно. Стратегический эгоизм и эвдемонизм опираются на более мощные поведенческие драйверы, что понимают и сами автономисты. Некоторые из них – например, К. Корсгаард, которая апеллирует к опасности утраты смысла жизни и вводит дополнительную витгенштейнианскую посылку – пытаются компенсировать данный недостаток за счет модификации аргументов. Другие – в частности А. Гевирт – считают, что он изначально компенсирован преимуществами в рамках второго и третьего критериев. Последний подход можно считать более оправданным.

Если использовать второй критерий, следует признать, что автономизм, подобно интуитивизму, в целом менее уязвим для обвинений в подмене морального долга склонностью, то есть менее предрасположен к искажению формы морали. Такие обвинения больше затрагивают стратегический эгоизм (для его сторонников выполнение морального долга выгодно и является выполнением долга лишь условно) и эвдемонизм (его сторонники также с трудом разграничивают исполнение требования и стремление прожить полноценную жизнь). Однако некоторые авторы автономистских концепций, пытаясь компенсировать недостаточную силу захвата, прибегают к таким аргументам, которые создают дрейф в сторону эвдемонистических позиций, что ведет к потере преимуществ в рамках второго критерия. Именно так выглядит концепция Корсгаард в связи с ее рассуждением о предельно общей практической идентичности, без которой жизнь теряет смысл. Тем не менее, другие образцы автономизма не имеют этой тенденции – как, например, концепция Гевирта. Его версия автономизма также сохраняет черты подлинного обоснования, не скатываясь на грань тавтологичности и декларативности. Интуитивистский моральный реализм изначально находится на этой грани, а Корсгаард начинает движение в данном направлении, приняв витгенштейнианскую посылку.

Наконец, в рамках третьего критерия – возможного искажения содержания морали – автономизм также выглядит предпочтительнее своих конкурентов. Несмотря на сомнения Корсгаард, он вполне способен довести обосновывающее рассуждение до универсальных обязанностей честности и гуманности исключительно на основе посылок, связанных с произвольным и целесообразным характером человеческой деятельности. Гевирт реализовал данную возможность в своей концепции. Именно ее и следует рассматривать как наиболее перспективный вариант обоснования морали из всех упомянутых в данной статье.

В завершение хотелось бы обратиться к вопросу о практической значимости философских концепций обоснования морали. Проблему обоснования моральных ценностей и требований традиционно рассматривают как лежащую на границе сугубо теоретического исследования феномена морали и нормативной этики. Если нормативная этика представляет собой вторжение философского анализа в практические споры о должном и не-должном, допустимом и недопустимом поведении, то обоснование морали ближе всего к практике морального воспитания. Оно по-своему отражает рациональную сторону формирования и поддержания устойчивости моральной личности. Каждая из рассмотренных выше концепций – еще и дискурсивная стратегия воспитателя. Однако в данной статье преобладает сугубо теоретическая оценка их достоинств и недостатков, связанная с допущением о том, что обоснование должно начинаться с нулевого уровня (уровня морального скептика, который является наделенным разумом психологическим эгоистом). Такая теоретическая оценка не предпринимает оценки их воспитательной эффективности. Ее анализ должен опираться на иные методологические посылки и критерии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гусейнов А.А. (2009) Великие пророки и мыслители: нравственные учения от Моисея до наших дней. М.: Вече. 469 с.
- Кант И. (1997a) Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. III. М.: Московский философский фонд. С. 39–275.
- Кант И. (1997b) Критика чистого разума // Кант И. Соч. на нем. и рус. яз. Т. III. М.: Московский философский фонд. С. 277–733.
- Beyleveld D. (2015) Korsgaard v. Gewirth on Universalization: Why Gewirthians are Kantians and Kantians Ought to be Gewirthians // *Journal of Moral Philosophy*. Vol. 12. Pp. 573–597.
- Beyleveld D. (2017) Transcendental Arguments for a Categorical Imperative as Arguments from Agential Self-Understanding // In: *Transcendental Arguments in Moral Theory*. Brune J. P., Stern R., Werner M.H. (eds.). Berlin: De Gruyter. Pp. 141–159.
- Beyleveld D., Düwell M. (2020) The Sole Fact of Pure Reason: Kant's Quasi-Ontological Argument for the Categorical Imperative. Berlin: De Gruyter. 212 p.
- Enoch D. (2006) Agency, Shmagency: Why Normativity Won't Come from What is Constitutive of Action // *Philosophical Review*. Vol. 115. Pp. 169–198.
- Gewirth A. (1978) Reason and Morality. Chicago: The University of Chicago Press. 393 p.
- Guyer P. (2007) Naturalistic and Transcendental Moments in Kant's Moral Philosophy // *Inquiry*. Vol. 50. Pp. 444–464.
- Korsgaard C.M. (1996) Sources of Normativity. Cambridge: Cambridge University Press. 287 p.
- Mackie J.L. (1990) Ethics: Inventing Right and Wrong. L.: Penguin Books. 256 p.
- Reath A. (1997) Introduction // *Kant I. Critique of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 7–31.
- Wood A.W. (2007) Kantian Ethics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 342 p.

REFERENCES

- Beyleveld D. (2015) Korsgaard v. Gewirth on Universalization: Why Gewirthians are Kantians and Kantians Ought to be Gewirthians. *Journal of Moral Philosophy*. vol. 12, pp. 573–597.
- Beyleveld D. (2017) Transcendental Arguments for a Categorical Imperative as Arguments from Agential Self-Understanding. *Transcendental Arguments in Moral Theory*. Berlin: De Gruyter, pp. 141–159.
- Beyleveld D., Düwell M. (2020) *The Sole Fact of Pure Reason: Kant's Quasi-Ontological Argument for the Categorical Imperative*. Berlin: De Gruyter. 212 p.
- Enoch D. (2006) Agency, Shmagency: Why Normativity Won't Come from What is Constitutive of Action. *Philosophical Review*. vol. 115, pp. 169–198.
- Gewirth A. (1978) *Reason and Morality*. Chicago: The University of Chicago Press. 393 p.
- Guseynov A.A. (2009) *Velikie proroki i mysliteli: npravstvennye ucheniya ot Moiseya do nashikh dnei* [Great Prophets and Thinkers. The Moral Teachings from Moses to Our Times]. Moscow: Veche. 469 p.
- Guyer P. (2007) Naturalistic and Transcendental Moments in Kant's Moral Philosophy. *Inquiry*. vol. 50, pp. 444–464.
- Kant I. (1997a) Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. In: *Sochineniia na nemetskom i russkom iazykakh. Vol. III*. Moscow: Moskovskii filosofskii fond. pp. 277–733.
- Kant I. (1997b) Osnovopolozhenie k metafizike npravov [Groundwork of the Metaphysics of Morals]. *Sochineniia na nemetskom i russkom iazykakh. Vol. III*. Moscow: Moskovskii filosofskii fond. pp. 39–275.
- Korsgaard C.M. (1996) *Sources of Normativity*. Cambridge: Cambridge University Press. 287 p.
- Mackie J.L. (1990) *Ethics: Inventing Right and Wrong*. London: Penguin Books. 256 p.
- Reath A. (1997) Introduction, Kant I. In: *Critique of Pure Reason*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 7–31.
- Wood A.W. (2007) *Kantian Ethics*. Cambridge: Cambridge University Press. 342 p.

Информация об авторе

Прокофьев Андрей Вячеславович, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Сектора этики Института философии РАН. Адрес: Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109240. Профессор Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого. Адрес: г. Тула, просп. Ленина, д. 125, 300026. E-mail: avprok2006@mail.ru

About the author

Andrey V. Prokofyev, Doctor of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow, Department of Ethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 127005, Moscow, Goncharnaya Street, 12-1. Professor, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Address: 300026, Tula, Lenina Av., 125. E-mail: avprok2006@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 25.10.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 06.02.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 14.02.2022